

## РУССКИЙ ЯЗЫК, ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'04

DOI 10.22213/2618-9763-2026-3-62-70

К. А. Джуроева, магистрант

А. А. Токсубаева, кандидат филологических наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

### ДУБЛЕТНЫЕ ОППОЗИЦИИ В СИСТЕМЕ ПОЗДНЕДРЕВНЕРУССКОГО ВОКАЛИЗМА: НА МАТЕРИАЛАХ ЕВАНГЕЛИЯ АПРАКОС (ОР Ф.256 № 114)

*В статье на материале позднедревнерусской пергаменной рукописи Евангелия апракос из собрания РГБ (ОР Ф.256 № 114) конца XIV – начала XV века исследуются дистрибутивные и количественные закономерности употребления дублетных графем гласных фонем. В ходе сплошного анализа текста рассмотрены основные дублетные звенья, характерные для позднедревнерусского вокализма. Установлено, что в каждом из звеньев нейтральные графемы последовательно преобладают во всех позициях, тогда как маркированные варианты демонстрируют отчетливую позиционную и функциональную ограниченность, в частности преимущественно встречаются в позициях начала и конца слова/строки, используются для оформления заимствований (в том числе из старославянского языка) и под., что свидетельствует об их дифференцирующей роли в системе письма. Отмечается, выявленная дистрибуция соотносится с процессами так называемого «второго южнославянского влияния». Аргументируется, что устойчивое употребление отдельных маркированных графем в грецизмах и лигатурных сочетаниях отражает южнославянскую традицию сохранения графического облика заимствований, а появление инновационных начертаний в составе дублетных рядов демонстрирует синтез греческой, южнославянской и восточнославянской графических практик. Орфография исследуемой рукописи показывает, что южнославянское влияние не только обогатило репертуар графических средств, но и закрепило сознательную вариативность как органическую и нормативную черту профессионального книгописания переходного периода. Результаты работы уточняют представления о функциональной дифференциации дублетных графем в позднедревнерусской рукописной традиции и вносят вклад в изучение орфографических норм эпохи.*

**Ключевые слова:** древнерусская орфография; дублетные звенья; второе южнославянское влияние; евангельский текст; кириллическая традиция

#### Введение

Графический параллелизм выступает в качестве одного из наиболее примечательных феноменов древнерусской письменной культуры. В корпусе памятников русского происхождения систематически фиксируется наличие множественных вариантов начертания, используемых для репрезентации идентичных звуков и звуковых комплексов. Наиболее отчетливо специфика древнерусской графики проявляется в системе дублетных оппозиций, где один и тот же фонемный элемент может передаваться двумя или более графемами, включая их аллографы.

Цель настоящей работы состоит в рассмотрении на материале конкретной позднедревнерусской рукописи графических дублетов, понимаемых как различные начертания, соответствующие одному звуковому значению [1]. Под термином «графема» понимаются «абстрактные

письменные знаки, из которых любые два в силу культурно-исторической традиции в данную эпоху в данном социуме признаются различными» [2]; для обозначения определенной разновидности графемы используется термин «аллограф» [3].

Появление в древнерусских и среднерусских текстах пар графических дублетов в значительной степени было предопределено двумя основными факторами. С одной стороны, речь идет о прямом усвоении из греческого письма отдельных графем, которые оказались избыточными для фонологической системы восточнославянских языков. С другой стороны, на протяжении всего древнерусского периода происходит внутреннее развитие орфографической нормы, вызванное рядом важнейших фонетических изменений, а также усиливается тенденция к функциональной дифференциации.

Последний из названных факторов особенно интенсивно проявлялся в конце XIV – первой половине XV века и в значительной мере был обусловлен комплексом процессов, известных в отечественной науке под условным наименованием «второе южнославянское влияние». В частности, именно А. И. Соболевский, которому принадлежит введение данного термина в научное обращение, констатировал глубокие расхождения между рукописной традицией середины XIV и середины XV века, наиболее последовательно реализованные на графико-орфографическом уровне [4].

Между тем в научной литературе до настоящего времени отсутствует единая точка зрения относительно характера, масштабов и последствий «второго южнославянского влияния», а сама проблема реальности данного явления продолжает оставаться предметом острой дискуссии. Так, Д. Ворт и Л. П. Жуковская полностью отрицают наличие «второго южнославянского влияния» на древнерусскую книжность в указанный период и связывают фиксируемые в основном графические и орфографические языковые особенности не с южнославянским влиянием, а с внутренними процессами архаизации и грецизации [5, 6]. В результате в орфографической практике XV века оживают те же южнославянские и греческие особенности, которые были характерны для древнерусских текстов XI века, восходивших к старославянским протографам<sup>1</sup> [7].

Иную интерпретацию предлагает А. А. Гальченко, которая, проведя анализ почерковых, графических и орфографических особенностей 115 древнерусских кодексов конца XIV – первой половины XV столетия, формулирует убедительную систему доказательств в пользу признания «второго южнославянского влияния» как реально существовавшего языкового процесса [8]. Аналогичные выводы содержатся в работах А. А. Турилова [9, 10].

Отсутствие единства в оценке рассматриваемых процессов указывает на потребность в привлечении дополнительного материала, получаемого путем детального палеографического и графико-орфографического анализа отдельных памятников письменности. В этой связи обращение к анализу конкретного рукоупотребления (заимствованные лексемы, собственные имена и др.).

Методологическую основу работы составил дистрибутивный анализ, дополненный

писного материала, позволяющего получить эмпирические данные о распределении дублетных графем, представляется особенно актуальным.

#### *Материалы и методы*

В качестве объекта исследования привлекается позднерусская пергаменная рукопись из собрания РГБ (ОР Ф.256 № 114), идентифицируемая в каталоге как Евангелие апракос (далее – ЕА). Предметом исследования выступают дистрибутивные и частотные характеристики дублетных графем, фиксируемых в тексте указанного кодекса; анализ осуществляется с применением статистического инструментария. Теоретическое осмысление выявляемых закономерностей проводится в свете гипотезы о «втором южнославянском влиянии», которое рассматривается как фактор, обусловивший как дифференциацию графических средств, так и легитимацию вариативности в писцовой практике конца XIV – первой половины XV века.

Работа выполнялась на основе цифровой фотоконии рукописи (электронная версия рукописи доступна для свободного ознакомления на интернет-портале РГБ<sup>2</sup>). Отдельно отметим, что исследуемый памятник не датирован, однако предварительное палеографическое исследование показало, что может быть отнесен к переходному периоду конца XIV – начала XV века, что делает ЕА особенно ценным для изучения процессов трансформации графико-орфографической системы в эпоху «второго южнославянского влияния». Рукопись (156 л.) представляет собой полный апракосный текст Евангелия, выполненный на пергамене уставным почерком с элементами полуустава, характерным для рубежа XIV–XV веков.

Анализ графических дублетов проводился на основе сплошной выборки всех случаев употребления дублетных графем в полном тексте рукописи. Были рассмотрены следующие дублетные звенья: *o – w/o, oу – y – ж – љ – ю, н – i/i, е – ѳ/ѳ, а – ѡ – ѡ – ѡ*. Для каждой из указанных графем фиксировалась позиция в слове (абсолютное начало слова, после согласного/ гласного), позиция в строке (абсолютное начало/конец строки), а также контекст количественным (статистическим) методом. Частотность графем и их аллографов рассчитывалась в абсолютных цифрах и процентах относительно общего количества употребле-

<sup>1</sup> Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – сер. XVIII вв.) : учебник. Москва, 2005.

<sup>2</sup> Евангелие апракос [рукопись]. [Б. м.], конец XIV в. 156 л. // URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004121249> (дата обращения: 17.08.2026).

ний в данном дублетном звене. Дополнительно применялись сравнительно-исторический и функционально-семантический методы, позволившие соотнести полученные данные с орфографической практикой других древнерусских памятников письменности. Сопоставление проводилось с рукописями, для которых зафиксировано южнославянское влияние (например, памятники конца XIV – первой половины XV века), а также с более ранними древнерусскими источниками (XII–XIII веков). Это позволило выявить степень инновационности орфографической системы ЕА и ее связь с процессами «второго южнославянского влияния», которое способствовало закреплению графического параллелизма как нормативного признака профессиональной книжной культуры.

#### о – ѡ/ѡ

Древнерусская правописная норма предписывала использовать графему ѡ (или орфографический дублет о широкое) для обозначения фонемы <о> в начале слова/слога, тогда как о узкое ограничивается преимущественно неначальной позицией [11–13]. Тем не менее уже в XII–XIII веках в памятниках письменности возникает, а в более поздних рукописях в значительной мере сохраняется взаимозаменяемость этих графем – как в тождественных фонетических условиях, так и внутри одной и той же лексемы [14].

В исследуемой рукописи графема о узкое традиционно выступает немаркированным, нейтральным членом оппозиции. Согласно результатам анализа, после согласного (включая позицию конца строки) о узкое фиксируется примерно в 82 % случаев: **свѣдѣтельство** 1об. (так!), **кѣдннороднаго** 2, **вопнющаго** 2, **продающаѧ** 5, **корабля** 9 (так!), **не соблазнитѣся** 11об., **вонстнннѹ** 15об., **подобаетъ** 22, **помышленна** 22об. и др.; в начале слова – около 18 % случаев: **оѣ** 18об., **овца** 19, **оставнтъ** 30об., **осѹженн** 31об., **окомъ** 37об., **оуеса** 39об., **огненѹю** 46об., **отроѹа** 50, **одѣянна** 61, **обрѣтоша** 61 и др.

Маркируемым коррелятом в составе данной оппозиции является ѡ. Максимальный уровень частотности рассматриваемой графемы обнаруживается в позиции предлога «от», репрезентируемого лигатурным сочетанием ѡ: **ѡ ѡѡана** 1об., **ѡ ѡѡа** 2, **ѡ мѣтвѣхъ** 5об., **ѡ сотника** 9об., **ѡ камене** 9об., **ѡ двѣрннгоба** 9об., **ѡ него** 11,

**ѡ радости** 22об., **ѡ ннхъ** 24об., **ѡ галнѣна** 28, **ѡ плода** 31, **ѡ рнзѣ** 31об., **ѡ ногъ** 33, **ѡ оубнѣающнхъ** 33об. и др. (более 60 зафиксированных случаев). Указанная лигатура фиксируется не только в позиции предлога, но и регулярно выполняет функцию приставки: **не ѡвержеса** 2, **ѡсѹдоѹ** 5, **кто ѡвалнтъ нам камень** 9об., **ѡверзатн** 19, **ѡверзе** 20об., **ѡвѣщаша** 28, **ѡверъзъ** 28об., **ѡрѣпна** 31, **ѡраднѣ** 33 и др. Развернутые архаичные написания в памятнике отсутствуют.

Употребление собственно омеги (ѡ) отмечается в достаточно широком объеме в позиции абсолютного начала слова: **ѡблѣсть** 1об., **ѡунн** 2, **ѡвца** 5, **не ѡблнѹатѣся** 7, **ѡдѣянъ во ѡдѣжоѹ** 9об., **ѡтроѹѣ** 10, **ѡгнь** 10, **недоѹгомъ ѡдержнмъ** 12, **ѡвца** 18об., **ѡсѣпнѡун** 22, **ѡѣ** 22, **ѡвѣць** 28, **ѡгнемъ** 36об. и др. (более 45 примеров).

В составе заимствований отмечается устойчивая тенденция к написанию омеги после гласного, в том числе в окончаниях, что свидетельствует о последовательности ее применения: **ѡ ѡѡана** 1об., **монѣѡмъ** 2, **нѹдѣѡмъ** (7об.), **нѡснѣѡвн** 9об., **внфлѣѡмъ** 27об. и др. (более 35 случаев).

Показательными в этом отношении являются параллельные написания с о узкое (например, **ѡвѣца** 5//**овѣца** 19, **ѡставн** 29//**оставнтъ** 30об.). Интерпретация подобных фактов дает основание полагать, что писцы сознательно поддерживали вариативность, рассматривая ее как маркер собственной квалификации [15].

В рукописи присутствует также аллограф о узкое – ѡ очное (около 8 % от всех случаев использования графемы о). Этот вариант начертания встречается нечасто и обладает отчетливой маркированностью: ѡ появляется либо в абсолютном начале слова, либо внутри заимствованных лексем. Функционально его распределение в значительной мере совпадает с употреблением графемы ѡ (ср. **ѡунѣнн** 5об.//**ѡунѣнтѣ** 32об.). Хотя данная форма встречалась уже в предшествующие периоды как в южнославянских, так и в восточнославянских памятниках, именно под воздействием «второго южнославянского влияния» ее применение приобрело систематический и выразительный характер. Переписчики использовали иконические написания типа «о очное и «о крестное», усиливая богословскую образность. Такие графические

приемы отражали общую ориентацию на балканские образцы, где письмо сочетало орфографическую строгость с эстетической и семантической насыщенностью. Таким образом, использование графемы **оу** в исследуемой рукописи является типичным для конца XIV – начала XV вв. и позволяет точнее локализовать памятник в рамках переходного периода от традиционной древнерусской графики к полууставу южнославянского типа.

#### **оу – ѹ – ж – ѡж – ю**

В кириллической традиции для письменной передачи фонемы <u> сформировалась весьма развернутая система графических вариантов, которая уже в раннедревнерусский период претерпевает значительные изменения. Уже со второй половины XII века графемы **ж – ѡж** практически перестают использоваться в древнерусских памятниках, вместе с тем повышенная активность юсов (включая неэтимологические) относится к числу характерных графико-орфографических признаков рукописей, связанных со вторым южнославянским влиянием. Примечательно, что в ЕА данные графемы не зафиксированы. С XIV века в восточнославянской рукописной традиции для обозначения фонемы <u> после согласных закрепляется графема **ѹ** (или лигатура **ѹ**), тогда как в начале слога обычно применяется диграф **оу** – норма, частично сохранившаяся и в современных церковнославянских написаниях. Возможна, впрочем, и взаимная мена указанных графем.

В анализируемом кодексе диграф **оу** выступает в роли немаркированного коррелята оппозиции. Наиболее последовательно он употребляется после согласного (примерно 75 % случаев): **пома<sup>оу</sup>ша** 5, **сло<sup>у</sup>гамъ** боб., **ба<sup>х</sup>о<sup>у</sup>** боб., **водо<sup>у</sup> бнно<sup>о</sup>творшю<sup>у</sup>са** боб., **ло<sup>у</sup>кава дѣла** 7, **со<sup>у</sup>бото<sup>у</sup>** 7, **ѡко же слѡ<sup>у</sup>шю со<sup>у</sup>жю** 8, **свѡд<sup>у</sup>н<sup>у</sup>тельств<sup>у</sup>ѡна** 8, **мно<sup>у</sup>в<sup>ш</sup>ѡ со<sup>у</sup>ботѣ** 9об., **др<sup>у</sup>гъ дро<sup>у</sup>га** 11, **со<sup>у</sup>дѣтн** 15 и др.

Основное функциональное назначение лигатуры **ѹ** состоит в экономии места, реализуемой преимущественно в позиции абсолютного конца строки: **ба<sup>х</sup>ѹ** 6, **пославшемѹ** 7об., **наѹ** 14об., **вѣрѹѡмъ** 17, **да бѣ<sup>ѹ</sup>дѣтъ** 23об., **разѹмѣтъ** 24об., **дѣ<sup>ѹ</sup>хъ** 25об., **прѡдѹ** 27, **сѣдшѹ** 28об., **зѹбѣзѹ зѹбѣ** 29об., **дрѹгн** 30, **бѣ<sup>ѹ</sup>дѣтъ** 33, **к немѹ** 37, **разѹмѣваѹ** 40, **не ѹмрѣтъ** 41 и др. (более 40 употреблений). Наряду с этим в тексте фиксируются случаи реализации данной лига-

туры и вне абсолютного исхода строки (около 15 % случаев). Ср. в начале слова: **ѹмѹхса** 20, **не ѹмрѣтъ** 21об., **ѹмрѣтн** 22, **ѹподобю** 34, **ѹстѹпѹтъ** 39об. и нек. др.; после согласных: **сѹшю** 12об., **ба<sup>х</sup>ѹ** 20об. и нек. др.

Кроме того, вместо диграфа **оу** в рукописи достаточно регулярно употребляется монограф **ѹ**. Этот факт представляется существенным, поскольку монограф лишь спорадически встречается в восточнославянских раннедревнерусских памятниках письменности и становится преобладающим в позиции после твердого согласного именно с середины XIV века [16]. Ср. **градѹшаго** 1об., **голѹбен** 5, **вѣрѹюще** боб., **ѡмѹ** 7об., **свѡд<sup>у</sup>н<sup>у</sup>тельств<sup>у</sup>ѡнѣ** 8, **дрѹгъ дро<sup>у</sup>га** 11, **возмѹщаашѣ** 12, **вонст<sup>у</sup>н<sup>у</sup>нѹ** 15об., **не вѣрѹете** 19, **купѣлне** 19об., **прѣвлѣкѹ** 21об., **к фѣл<sup>у</sup>нѹ** 21об., **смѹщенне** 22об., **не вѣрѹешн** 23об. и др. (более 70 случаев). В инициальной позиции в рукописи ЕА, однако, безусловное преобладание сохраняется за диграфом **оу**.

Употребление графемы **ю** подчиняется четкой позиционной закономерности и локализуется в двух основных типах окружения: после гласных: **вѣрѹшнмъ** 1об., **вопнюшаго** 2, **продающаѹ** 5, **вѣрѹюще** боб., **оуп<sup>ю</sup>тса** боб., **нюдѣю оуѣтн** 7, **нюдѣшмъ** 12об., **юдѣн** 14об., **вѣл<sup>ю</sup>кою** 23, **оуѣн<sup>ю</sup>тъ** 33об., **ѹ оуѣнкающнхъ** 33об., **ѹставню** 36об., **огнѣнѹ** 46об. и др.; после шипящих и сонорных: **в жндовьскѹю землю** 5, **вложю перста** 6, **водоѹ бнно<sup>о</sup>творшю<sup>у</sup>са** боб., **ѹднѣтса** 7об., **ѡко же слѡ<sup>у</sup>шю со<sup>у</sup>жю** 8, **оѹмъ ншюше** 9, **оѹношю** 9об., **ѹдѣсѣ** 10, **сѹшю** 12об., **ѹподобю** 34 и др.

#### **н – ѡ/ѡ**

В рукописи ЕА для передачи фонемы <i>, следуя устоявшейся графико-орфографической норме, используются графемы **н** и **ѡ/ѡ**, причем **ѡ** выступает в качестве маркированного члена оппозиции. Графема **н** характеризуется значительно более высокой употребительностью, выполняя функцию нейтрального, немаркированного коррелята, и не обнаруживает позиционных ограничений (на ее долю приходится около 85 % всех реализаций).

Графема **ѡ/ѡ**, напротив, демонстрирует существенно более низкую частотность и строгую позиционную закреплённость, будучи локализованной преимущественно в абсолют-

ном исходе строки (более 40 примеров): **свндѣ|тельство** 1об., **нѣ|гдѣ** 2, **оупѣ|ютса** 6об., **амѣ|нь** 7об., **не нѣ|** 8, **мноуѣшѣ|соуботѣ** 9об., **в послѣднѣ|н день** 10об., **сего радѣ|** 11об., **оузрѣ|те** 12об., **днѣ|теса** 13об., **прншѣдшѣ|мъ** 14, **к вѣровавшѣ|мъ** 15, **всакъ пѣ|на ѿ воды** 16, **вѣ|дѣлѣ** 17об., **швѣ|н** 18об., **шѣ|** 20об., **прѣ|влѣкѣ** 21об., **вѣрова тѣ|** 22, **вѣлѣ|кою** 23, **позналѣ|** 23об. и др.). Лишь в единичных случаях (приблизительно 5 % написаний) даже в абсолютном конце строки фиксируется **н** (например, **прн|ндѣть** 11об., **н|стнннѣн** 11об., **н|юдѣшмъ** 12об.); подобные написания следует квалифицировать скорее, как исключения (вероятно, вызванные стремлением к выравниванию строки по правому краю), нежели как устойчивую закономерность.

Реализация графемы **ѣ** в позициях, не связанных с абсолютным концом строки, отмечается существенно реже (около 15 % всех употреблений) и, вероятно, обусловлена стремлением к экономии графического пространства: **прѣ|кмлетѣ** 8об., **жѣ|вотѣ** 10об., **ѣ мѣ** **вѣровахомъ н познахомъ** 13, **ѣмашн** 16, **заповѣдѣ|** 23об., **ѣ мѣрѣ** 23об. и др. Приведенные наблюдения, помимо прочего, указывают на сохранение известной степени вариативности при выборе дублетных графем, что отчасти определяется индивидуальными предпочтениями писца. Особо следует подчеркнуть, что **і** без кендемы применяется исключительно при передаче имени Иисус (**іѣ|ъ**, например, 6об., 19 и мн. др.), что обусловлено необходимостью избежать совмещения двух надстрочных знаков.

#### ѣ – ѣ/ѣ

Традиционными средствами передачи фонемы <е> и сочетания [je] в кириллице служат графемы **ѣ** и **ѣ**. В рукописи ЕА, однако, засвидетельствовано введение дополнительного графического звена – **ѣ**, которое выступает в качестве полного функционального аналога **ѣ**, что указывает на полную взаимозаменяемость данных дублетов.

После согласных в исследуемой рукописи доминирует графема **ѣ**, охватывая примерно 75 % всех написаний: **не шѣ|тъ** 1об., **не ѿвержѣ|са** 2, **оуѣ|ннѣн** 5, **вложу перста** 6, **шѣ|ужѣнѣ** 7, **свндѣ|тельствоуѣ** 8, **оумѣ нѣ|юще** 9, **оутѣ|шнтѣль** 11об., **недоуѣ|гомъ шѣ|ержнмъ** 12, **не шѣ|ннѣуѣса** 19,

**помѣ|шлѣннѣ** 22об., **оутѣ|шнтѣль** 25, **шѣ|ць** 28, **шѣ|нцѣнтѣ** 32об., **оубѣ|нтѣ** 33об., **шгнѣ|мъ** 36об., **оуѣ|са** 39об., **шжнѣ|тъ** 41об., **огнѣ|нѣю** 46об. и др. Напротив, в позиции абсолютного начала словоформы и после гласного графема **ѣ** с регулярностью фиксируется лишь в абсолютном конце строки (около 25 % написаний): **не вѣ|рѣ|те** 19, **купѣ|лѣнѣ** 19об., **подобѣ|тъ** 22, **сѣ|ущѣннѣ** 22об., **не вѣ|рѣ|шн** 23об., **ѿрадѣ|нѣ** 33. Подобное распределение, по всей видимости, объясняется, как и в случае с графемами **ѣ** и **ѣ**, необходимостью экономии пространства в строке.

Для графемы **ѣ**, напротив, характерна преимущественная реализация в позиции после гласного, а также в абсолютном начале словоформы: **кѣ|дннороднаго** 2, **свндѣ|тельствѣ|тъ** 2, **крѣ|щѣннѣ** 2, **нѣ|рдѣна** 2об., **отѣ|зѣктѣса** 2об., **нѣ|рѣ(с)мъ** 2об., **архнѣ|рѣю** 2об., **шѣ|ужѣнѣ** 2об., **радѣ|укѣ|са** 5об., **вѣ|рѣ|мъ** 17 и др. (более 60 примеров). В идентичных дистрибутивных контекстах засвидетельствовано также использование **ѣ**-якорного: **ѣ|гда** 17, **ѣ|го** 17, **ѣ|мѣ** 17, **ѣ|сн** 17, **мѣ|е** 17об., **ѣ|мѣ** 17об., **ѣ|тъ** 17об., **ѣ|сѣ** 17об., **слѣ|шаетѣ** 19, **не вѣ|рѣ|те** 19, **ѣ|дноѣ** 19, **послѣ|ннѣ** 19об., **трѣ|бѣ|шн** 26 и др. (более 40 примеров). Данная черта позволяет констатировать рецепцию «второго южнославянского влияния», нашедшую прямое отражение в орфографической системе памятника.

#### ѣ – ѣ – ѣ – ѣ

В кириллической письменной традиции для передачи фонемы <а> и сочетания [ja] исторически закрепились графемы **ѣ**–**ѣ**–**ѣ**. После утраты непосредственного влияния южнославянских оригиналов (для которых **ѣ** и **ѣ** не были омофоничны) в русской орфографической практике утверждается норма, согласно которой **ѣ** употребляется после гласной и в начале слова, а **ѣ** – после согласной [17]. После шипящих и **ѣ** данное противопоставление нередко нейтрализуется.

В ЕА нейтральным, немаркированным вариантом для позиции начала слова и после гласной выступает графема **ѣ**: **хѣ|тънѣ** 1об., **ѣ|ко** 2, **ѣ|влѣннѣ** 5, **свндѣ|тельствоуѣ** 8, **шѣ|ѣнѣнѣ** во **шѣ|жѣ|оу** 9об., **всакъ пѣ|на ѿ воды** 16, **не шѣ|ннѣуѣса** 19, **помѣ|шлѣннѣ** 22об., **вѣ|рѣ|на** 23об., **ѿ гѣ|лѣнѣ** 28, **ѿрѣ|пнѣ** 31 и др.

Напротив, употребление графем **а** и **ѡ** в указанных позициях носит маркированный характер. Так, **а** в начале слова регулярно фиксируется в заимствованиях: **архнтрнклннъ** 6об., **амінь** 7об., **ароматъ** 9об., **ѡко сѣма абраамле** 15об., **архнѣрен** 21 и др. В ЕА, помимо прочего, засвидетельствованы старославянские по происхождению лексемы с начальной графемой **а**: **аще** (например: 11, 12об., 17, 24об., 29 и др.), **азъ** (например: 14об., 17, 22об. и др.), **абъе** (например: 32, 39, 55 и др.). Данные наблюдения коррелируют с выводами Л. В. Ненашевой относительно орфографических дублетов XV века: в исследуемых житийных и летописных списках начала столетия инициальная позиция, как правило, оформляется посредством графемы **ѡ**, тогда как в церковных текстах середины и конца века вариативность проявляется весьма последовательно.

Графема **а** преимущественно используется в позиции после согласного (в том числе после шипящих) для обозначения [a] (около 55 % от общего числа написаний): **славѹ** 1об., **ѡднороднаго** 2, **продающаѡ** 5, **лоукава дѣла** 7, **ѡсотника** 9об., **дрѹгъ дроуга** 11, **возмѹщааше** 12, **кѡ вѣровавшѣмъ** 15, **ѡвца** 18об., **ѡверзати** 19, **прославѣтъ** 21об., **подобаѣтъ** 22, **познаѡ** 23об., **ѡгалнѣѡ** 28, **оставѣтъ** 30об., **ѡнцанте** 32об., **ѡрадѣ** 33, **ѡставѣню** 36об., **ѡставѣ** 37, **оуеса** 39об., **отроѹа** 50, **обрѣтоша** 61 и др.

В то время как графема **а** доминирует после согласных, **ѡ** в той же позиции фиксируется лишь в примерно 30 % случаев (для обозначения [ʼa]): **родншаѡ** 1об., **не ѡвержеша** 2, **помапоуша** 5, **бахѹ** 6, **не ѡблнѹатѡ** 7, **корабѡ** 9, **не соблазнѣтѡ** 11об., **днѣтѡ** 13об., **всакъ пѣѡ ѡводы** 16, **не ѡбнѣѡ** 19, **оумынѡ** 20, **оутѣрдѡ** 37об., **оуподобѡ** 40 и др. Следует отметить, что абсолютное большинство написаний с **ѡ** традиционно относятся к энклитике **ѡа**.

### Выводы

Анализ дублетных оппозиций в рукописи ЕА выявил устойчивые позиционные закономерности. Нейтральные варианты графем (в частности, **о** узкое, **оу/ѹ**, **н**, **ѣ**) доминируют в большинстве позиций, составляя от 65 до 85 % случаев употребления в своих звеньях. В то же время маркированные дублеты (напри-

мер, **ѡ**, **ѣ**, **і**, **ѹ**, **о**) регулярно воспроизводятся в специфических контекстах начала слова, границы строки, заимствованиях, где их доля составляет от 15 до 35 %. В рукописи они выполняют четкую графико-распределительную и дифференцирующую функции.

Выявленная система напрямую фиксирует постепенное разрушение древнерусской правописной нормы и переход к орфографии нового типа, которая во многом складывалась под влиянием явления, получившего в отечественной русистике такое обозначение, как «второе южнославянское влияние». Рассмотренные дублетные оппозиции в системе позднерусского вокализма и строгое функциональное разграничение дублетов могут быть представлены как результат сложного синтеза греческой, южнославянской и автохтонной восточнославянской письменных традиций.

Таким образом, орфографическая система рукописи ЕА демонстрирует, что так называемое «второе южнославянское влияние» не просто обогатило графику случайными заимствованиями, а выступило катализатором масштабной реформации и частичной реставрации древнерусской орфографической нормы. В рамках этой тенденции упорядоченная графическая вариативность стала нормативным признаком профессиональной книжной культуры.

### Библиографические ссылки

1. Осипов Б. И. Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации: монография. Москва : Ин-т русского языка РАН; Омск: Омский научный вестник, 2010. 320 с.
2. Зализняк А. А. Древнерусская графика со смешением ъ-о и ѣ-е // «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию : сб. Москва : Языки славянской культуры, 2002. С. 576–612.
3. Ахманова О. С. К вопросу об основных понятиях метаязыка лингвистики // Вопросы языкознания. 1961. № 5. С. 115–121.
4. Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. Санкт-Петербург, 1894. 30 с.
5. Worth D. Так называемое «второе южнославянское влияние» в истории русского литературного языка // Резюме докладов и письменных сообщений: IX Междунар. съезд славистов (г. Киев, сентябрь 1983 г.) / под ред. Г. В. Степанова и др. Москва : Наука, 1983. С. 222–223.
6. Жуковская Л. П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV – 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его от-

ношении к старославянскому. Москва : Наука, 1987. С. 144–176.

7. Панин Л. Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск, Изд-во НИИМОО, 1995. 215 с. ISBN 5-88119-064-5

8. Гальченко М. Г. О времени появления и характере распространения графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка / [Отв. ред.: А. М. Молдован и В. В. Калугин]. Москва : Древлехранилище, 2000. С. 123–152.

9. Турилов А. А. Болгарские литературные памятники эпохи первого царства в книжности Московской Руси XV–XVI вв. (заметки к оценке явления) // Славяноведение. 1995. № 3. С. 31–45.

10. Турилов А. А. Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV в. и «второе южнославянское влияние» // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. Санкт-Петербург, 1998. С. 321–337.

11. Пономаренко Т. О. Распределение графических дублетов w/o в Житии Нифонта 1222 года // Вестник ЧелГУ. 2009. № 35. С. 120–123. EDN: LADOKL

12. Токсубаева А. А. Распределение буквенных дублетов в рукописи Христинопольского апостола XII века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2022. № 5. С. 7–21. DOI: 10.26907/2541-7738-2022.5.7-21

13. Штатнова А. О. Орфография Федоровского II паримейника XIII века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2021. № 1. С. 30–41. DOI: 10.26907/2541-7738.2021.1.30-41. EDN: BIAALB

14. Ненашева Л. В. Графические и орфографические особенности памятников русской письменности XV века: диссертация на соискание ученой степени д-ра филол. наук: 10.02.01. Архангельск, 2010. 411 с.

15. Жолобов О. Ф. Древнеславянские списки Паренесиса Ефрема Сирина: новые данные и новые аспекты исследования // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сент. 2008 г. Доклады рос. делегации. Москва, 2008. С. 51–75. EDN: VMORWD

16. Мольков Г. А. Графика и палеография // Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / под ред. В. Б. Крысько. Москва : Азбуковник, 2020. С. 233–257.

17. Живов В. М. Восточнославянское правописание XI – XIII века. Москва : Языки славянской культуры, 2006. 312 с. ISBN 5-9551-0154-3

spelling and punctuation: monograph]. Moscow, Institute of Russian Language RAS; Omsk, Omsk Scientific Bulletin, 2010, 320 p. (in Russ.).

2. Zaliznjak A.A. Drevnerusskaja grafika so smesheniem mь–oиь–e [Old Russian graphics with the mixing of ъ–o and ъ–e]. “Russkoe imennoe slovoizmenenie” s priloženiem izbrannyh rabot po sovremennomu russkomu jazyku i obshhemu jazykoznaniju : sb. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2002, pp. 576–612. (in Russ.).

3. Ahmanova O.S. [On the Question of the Basic Concepts of the Metalanguage of Linguistic]. Voprosy jazykoznanija, 1961, no. 5, pp. 115–121. (in Russ.).

4. Sobolevskij A.I. Juzhnoslavjanskoe vlijanie na russkuju pis'mennost' v XIV–XV vekah [South Slavic influence on Russian writing in the 14th–15th centuries]. St. Petersburg, 1894, 30 p. (in Russ.).

5. Worth D. pod red. G. V. Stepanova i dr. Tak nazyvaemoe «vtoroe juzhnoslavjanskoe vlijanie» v istorii russkogo literaturnogo jazyka [The so-called “second South Slavic influence” in the history of the Russian literary language]. Rezhume dokladov i pis'mennyh soobshhenij : IX Mezhdunar. s#ezd slavistov (g. Kiev, sentjabr' 1983 g.). Moscow, Nauka, 1983, pp. 222–223. (in Russ.).

6. Zhukovskaja L.P. Grecizacija i arhaizacija russkogo pis'ma 2-j pol. XV – 1-j pol. XVI v. (Ob oshibochnosti ponjatija «vtoroe juzhnoslavjanskoe vlijanie») [Grecization and archaization of Russian writing in the second half of the 15th – first half of the 16th century (On the erroneousness of the concept of “second South Slavic influence”)]. Drevnerusskij literaturnyj jazyk v ego otnoshenii k staroslavjanskomu. Moscow, Nauka, 1987, pp. 144–176. (in Russ.).

7. Panin L.G. Istorija cerkovnoslavjanskogo jazyka i lingvisticheskaia tekstologija [History of the Church Slavonic language and linguistic textology]. Novosibirsk, Publ. House NIIMIOO, 1995, 215 p. (in Russ.). ISBN 5-88119-064-5

8. Gal'chenko M.G. [Otv. red.: A. M. Moldovan i V.V. Kalugin] O vremeni pojavlenija i haraktere rasprostranenija grafiko-orfograficheskikh priznakov vtorogo juzhnoslavjanskogo vlijanija v drevnerusskikh rukopisjah konca XIV – pervoj poloviny XV v. [On the time of appearance and the nature of the spread of graphic and orthographic features of the second South Slavic influence in Old Russian manuscripts of the late 14th – first half of the 15th century]. Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istorija russkogo jazyka, Moscow, Drevlehranilishche, 2000, pp. 123–152. (in Russ.).

9. Turilov A.A. [Bulgarian literary monuments of the era of the first kingdom in the book culture of Muscovite Rus' in the 15th–16th centuries (notes on the assessment of the phenomenon)]. Slavjanovedenie, 1995, no. 3, pp. 31–45. (in Russ.).

10. Turilov A.A. Vostochnoslavjanskaja knizhnaja kul'tura konca XIV–XV v. i «vtoroe juzhnoslavjanskoe vlijanie» [East Slavic book culture of the late 14th–15th centuries and the “second South Slavic influence”]. Drevnerusskoe iskusstvo. Sergij Radonezhskij i hudoz-

## References

1. Osipov B.I. Sud'by russkogo pis'ma: Istorija russkoj grafiki, orfografii i punktuacii : monografija [The fate of Russian writing: History of Russian graphics,

*hestvennaja kul'tura Moskvy XIV–XV vv.* St. Petersburg, 1998. Pp. 321–337. (in Russ.).

11. Ponomarenko T.O. [Distribution of graphic doublets w/o in the Life of Nifont of 1222]. *Vestnik ChelGU*, 2009, no. 35, pp. 120–123. (in Russ.). EDN: LADOKL

12. Toksubaeva A.A. [Distribution of letter doublets in the manuscript of the Apostle of Christinople of the 12th centur]. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. Nauki*, 2022, no. 5, pp. 7–21. (in Russ.). DOI: 10.26907/2541-7738-2022.5.7-21

13. Shtatnova A.O. [Orthography of Fedorovsky II Parimeynik of the XIII century]. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. Nauki*, 2021, no. 1, pp. 30–41. (in Russ.). DOI: 10.26907/2541-7738.2021.1.30-41. EDN: BIAALB

14. Nenaseva L.V. *Graficheskie i orfograficheskie osobennosti pamjatnikov russkoj pis'mennosti XV veka : dissertacija na soiskkanie uchenoj stepeni d-ra filol. nauk: 10.02.01* [Graphic and orthographic features of monuments of Russian writing of the 15th century:

dissertation for the degree of Doctor of Philological Sciences: 10.02.01]. Arkhangelsk, 2010, 411 p. (in Russ.).

15. Zholobov O.F. *Drevneslavjanskije spiski Parenesisa Efrema Sirina: novye dannye i novye aspekty issledovanija* [Ancient Slavic lists of Parenesis Ephraim the Syrian: new data and new aspects of research]. *Pis'mennost', literature i fol'klor slavjanskih narodov. XIV Mezhdunarodnyj s#ezd slavistov. Ohrid, 10–16 sent. 2008 g. Doklady ros. Delegacii*, Moscow, 2008, pp. 51–75. (in Russ.). EDN: VMORWD

16. Mol'kov G.A. *Grafika i paleografija, pod red. V. B. Krys'ko* [Graphics and paleography]. *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka: Jenciklopedicheskij slovar'*. Moscow, Azbukovnik, 2020, pp. 233–257. (in Russ.).

17. Zhivov V.M. *Vostochnoslavjanskoe pravopisanie XI – XIII veka* [East Slavic spelling of the 11th – 13th centuries]. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2006, 312 p. (in Russ.). ISBN 5-9551-0154-3

K. A. Džuraeva, Master's Degree Student  
A. A. Toksubaeva, Candidate of Philological Sciences  
Kazan Federal University, Kazan, Russia

#### DOUBLET OPPOSITIONS IN LATE OLD RUSSIAN VOCALISM: EVIDENCE FROM THE GOSPEL APRAKOS (OR F.256 NO. 114)

*The present article examines distributive and quantitative regularities in the usage of doublet graphemes for vowel phonemes, based on material from a Late Old Russian parchment manuscript of the Gospel Aprakos, preserved in the Russian State Library collection (OR F.256 No. 114) and dated to the late 14th – early 15th centuries. A comprehensive analysis of the text addresses the principal doublet series characteristic of Late Old Russian vocalism. It is established that in each series, neutral graphemes consistently predominate in all positions, whereas marked variants exhibit distinct positional and functional limitations. Marked graphemes are encountered primarily in word-initial and word-final positions, at the beginning and end of lines, and are employed in borrowings (including those from Church Slavonic) and similar contexts, which is indicative of their differentiating role within the writing system. The observed distribution correlates with the processes of the so-called Second South Slavic Influence. Specifically, the consistent use of certain marked graphemes in Grecisms and ligature combinations reflects the South Slavic tradition of preserving the graphic appearance of loanwords, while the appearance of innovative letter forms within doublet series demonstrates a synthesis of Greek, South Slavic, and East Slavic graphic practices. The orthography of the manuscript under consideration thus shows that the South Slavic influence not only enriched the repertoire of graphic means, but also consolidated conscious variation as an organic and normative feature of professional book-writing during the transitional period. The results of the study refine existing conceptions of the functional differentiation of doublet graphemes in the Late Old Russian manuscript tradition and contribute to the study of orthographic norms of the epoch.*

**Keywords:** old russian orthography; doublet graphemes; second south slavic influence; gospel text; cyrillicscribal tradition

Получена: 13.08.2026  
ГРНТИ 16.21.31

**Образец цитирования**

*Джураева К. А., Токсубаева А. А.* Дублетные оппозиции в системе позднерусского вокализма: на материалах Евангелия апракос (ОРФ.256 № 114) // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2026. Т. 21, № 3. С. 62–70. DOI: 10.22213/2618-9763-2026-3-62-70

**For Citation**

Džuraeva K.A., Toksubaeva A.A. [Doublet oppositions in late old russian vocalism: evidence from the Gospel Aprakos (OR F.256 No. 114)]. *Social'no-ekonomiceskoe upravlenie: teoria i praktika*, 2026, vol. 21, no. 3, pp. 62-70 (in Russ.). DOI: 10.22213/2618-9763-2026-3-62-70